

Предисловие

Господин Цзи Сяньлинь (другие имена: Сибу, Цицзан) — востоковед, лингвист, литературовед, синолог, буддолог, историк, педагог и общественный деятель — широко известен как на своей родине, в Китае, так и за рубежом. Он родился 6 августа 1911 года в крестьянской семье в деревне Гуаньчжуан поселка Канчжуанчжэнь уезда Цинпин провинции Шаньдун (ныне городской уезд Линьцин). Прожив долгую жизнь, он скончался 11 июля 2009 года в Пекине в возрасте 98 лет.

Цзи Сяньлинь свободно владел английским и немецким, читал на русском и французском, санскрите и пали. Предметом его научного интереса были буддизм и буддийская философия, китайская литература и сравнительное литературоведение, а также теория литературы. Кроме того, Цзи Сяньлинь был одним из немногих ученых, кто изучал исчезнувший тохарский язык.

Благодаря усердию и самоотверженному труду Цзи Сяньлиня на китайский язык было переведено множество произведений классической мировой литературы, в том числе древнеиндийская эпическая поэма «Шакунтала». Также он является автором статей, эссе, художественной прозы, публицистических очерков и даже стихов. Богатое литературное наследие, которое Цзи Сяньлинь оставил потомкам, полностью подтверждает его статус светила китайской науки, национального достояния Китая. Всегда с неизменным мастерством используя возможности родного языка, Цзи Сяньлинь умел создавать искренние и яркие образы, свободно и естественно выражал свои чувства, благодаря чему смог завоевать горячую любовь множества читателей.

«Сборник материалов китайской науки» («Чжунхуа госюэ даси»), выпущенный издательством университета Цинхуа, рассчитан на широкий круг читателей. В него вошли произведения многих авторов — блестящих ученых и литераторов, среди которых по праву находятся и работы Цзи Сяньлиня. Составитель сборника господин Ван Пэйфань включил его произведения в первый том, тем самым отдав должное не только огромным научным заслугам ученого, но и его

исключительным нравственным качествам, благодаря которым господин Цзи Сяньлинь приобрел авторитет в обществе.

Состав статей, вошедших в этот сборник, был утвержден не сразу, однако с помощью и деятельным участием господина Шао Яньчана из издательства университета Цинхуа книга обрела цельность и особую выразительность. Мы усердно трудились целый год, и результат наших трудов у вас в руках! Господина Цзи Сяньлиня нет с нами уже шесть лет, и этот новенький сборник, приятно пахнущий типографской краской, — наше воспоминание о нем и утешение. Мы подошли к работе над этой книгой со всем возможным тщанием, но из-за ограниченности во времени и знаниях не смогли избежать некоторых недочетов, поэтому готовы к критике и исправлениям.

И моря книг мне мало

Десять лет учебы в Германии и тохарский язык

Бывает, я задумываюсь о том, как часто на человеческую жизнь влияет случай. Невозможно ни разу на своем веку не столкнуться с ним: иногда он приносит людям беды, но порой дарит и счастье.

Я начал изучать тохарский язык потому, что так распорядился случай.

По правде сказать, до приезда в Германию я не знал ни о каком тохарском языке. Да и в Гёттингене мне было невдомек, что в одном со мной городе живет известный немецкий исследователь, овладевший тохарской письменностью — господин Эмиль Зиг¹. Моя учебная нагрузка в то время была довольно серьезной: на трех факультетах я выбрал столько занятий, учил столько языков одновременно, что еще и тохарский просто бы не потянул. Я себя знаю — порой мне не хватает чувства меры. Нельзя сказать, что у меня совсем нет способностей к языкам, но я точно не гений. Взять на себя такую ответственность было трудно еще и потому, что здесь, за рубежом, я олицетворял собой весь Китай. Дурно учиться, быть легкомысленным, плохо показать себя и тем самым опозорить родную страну — недопустимо! Поэтому я решил сосредоточиться на тех занятиях, что уже выбрал, и не братья за большее. Да, именно так я тогда и думал.

---

¹ Эмиль Зиг (1866–1951) — немецкий лингвист-востоковед, совместно с Вильгельмом Зиглингом (1880–1946) занимался расшифровкой тохарской письменности; первые результаты исследования были опубликованы в 1908 году. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

Началась Вторая мировая война, и Эрнста Вальдшмидта² призвали в армию, а его место занял Эмиль Зиг. Пожилой профессор (кажется, ему тогда было уже за семьдесят), решил непременно передать мне свои знания в области тохарского языка. Его абсолютно не заботили тяготы учения. И для меня было совершенно удивительным, что человек в столь почтенном возрасте предпочитает работать в университете, а не оставаться дома. Он сознательно выбрал этот нелегкий путь. Вероятно, чувство долга перед обществом и искренняя и глубокая преданность тем редким научным дисциплинам, изучению которых он посвятил долгие годы, обусловила этот выбор — старый профессор решил передать мне, юноше из чужой страны, весь накопленный опыт, чтобы семена индологии и тохароведения проросли и на китайской земле. Замечу, однако, что некоторые представители радикально-левого движения видели в этом желании злой умысел. В хрониках китайского буддизма есть немало любопытных историй об учениках и наставниках, о секретных знаниях, передававшихся под покровом ночи, о ревности менее любимых учеников... Тогда я ни с чем подобным не сталкивался, возможно просто времена изменились. А вот в совсем недалеком прошлом мне довелось оказаться в похожих обстоятельствах, но рассказывать об этом долго, так что я не стану вдаваться в детали.

Словом, профессор Зиг предложил мне взяться за изучение тохарского языка. Вернее, он сообщил о своих намерениях и тут же, не дав опомниться и не спросив, что я по этому поводу думаю, назначил время занятий. Это было очень трогательно, и мне не оставалось ничего другого, как с благодарностью согласиться. Я решил приступить к новому делу ответственно и следовать за своим учителем.

Многие ученые с мировым именем мечтали приехать в Гёттинген, чтобы изучать тохарский язык под руководством Эмиля Зига, для любого исследователя в этой области подобная возможность была бы настоящим счастьем. Скольким людям такой шанс не выпал и уже не выпадет никогда! Я отлично понимал, что мое положение избранного могло вызвать зависть многих, но и отказ от обучения мне было

---

² Эрнст Вальдшмидт (1897–1985) — выдающийся немецкий ученый-индолог.

нечем оправдать. Как раз в то время, когда началось мое обучение у профессора Зига, в университет приехал бельгиец Вальтер Куврёр³. Он был специалистом по хеттскому языку и также рассчитывал попасть на курс тохарского. С его появлением в университете сформировалась группа, состояла она всего из двух студентов — меня и Куврёра, и мы были иностранцами, изучающими дисциплину, которой даже нет в расписании. Что тут сказать — довольно необычная по тем временам ситуация.

Такое более чем скромное количество слушателей вовсе не стало для Эмиля Зига поводом работать недобросовестно. Несколько раз в неделю он исправно приходил на занятия, причем путь был не близкий — жил профессор в восточной части города, а идти приходилось в корпус Гаусса — Вебера. Несмотря на почтенный возраст, этот благообразный старик был бодр, держался прямо, не использовал трость и не носил очков. Детей у него не было, так что сопровождать его было некому, но университет не считал своим долгом уделять этому особое внимание. Прагматичное западное общество часто забывает об уважении к старости; ценность человека определяется его способностью приносить пользу, и без этой способности она сходит на нет. Такое отношение вовсе не считается зазорным, вот и профессор Зиг не относился к своему положению как к чему-то необычному.

Дошедшие до нас памятники тохарской письменности были обнаружены в китайском Синьцзяне. Эмиль Зиг, Вильгельм Зиглинг и специалист по сравнительной лингвистике Вильгельм Шульц взялись расшифровать прежде неизвестный язык и добились успеха. «Грамматика тохарского языка», написанная по результатам их работы, стала широко известна мировому научному сообществу и является фундаментальным исследованием в этой области. Сразу хочу оговориться, что этот блистательный труд в 518 страниц невероятно сложен и напоминает первобытную чашу, путь через которую долг, труден и полон опасностей. Тому, кто решится преодолеть его в одиночку, без проводника, я не позавидую. Конечно, наилучшим

---

³ Вальтер Куврёр (1914–1996) — бельгийский филолог и фламандский политик.

проводимым в таком случае может стать человек, хорошо знающий тохарский язык. Профессор Зиг преподавал свой предмет, опираясь на традиционные немецкие методы. Он совершенно не объяснял грамматику, а предпочитал начинать сразу с практики: вместе с ним мы читали латинскую транскрипцию тохарских слов, составленную по фотокопии оригинального тохарского текста с древнего свитка. Эти свитки были для профессора Зига настоящими реликвиями, он называл их «величайшей драгоценностью» (Prachtstück) и «письменами, предопределяющими счастливую судьбу наследников престола». Грамматические правила мы просматривали самостоятельно, сверялись с указателем, переводили незнакомые слова. На занятиях мы с Вальтером Куврём по очереди переводили текст свитка на немецкий язык, а когда ошибались, учитель нас поправлял. Как можно понять, это была очень непростая работа. Время и условия хранения сказались на сохранности свитков — ни одна страница не уцелела полностью, в некоторых строках отсутствовали символы, слоги или даже целые слова. Нам приходилось дополнять текст, чтобы добраться до смысла, зачастую — только на основе собственных догадок, которые не обязательно были верными. В итоге господин Зиг говорил много, а мы — мало. Именно на тех уроках я и научился приемам работы с текстом, если в нем не хватает слов или слогов. Учеба становилась для меня все более интересной, занятия проходили дважды в неделю и вовсе не тяготили меня, напротив, каждый новый урок я ждал с нетерпением.

Так сложилось, что воспоминания о моей тогдашней учебе неразрывно связаны с затяжной зимой, с белой снежной далью. Помню, как однажды после занятий, когда мир из-за пасмурной погоды и светомаскировки улиц окутали сумерки, мы со старым профессором Зигом вместе спустились по лестнице и вышли из ворот университета. Я боялся, что он оступится и упадет, поэтому поддерживал его под руку. Длинная темная улица тонула в снегу и была совершенно безлюдной. Тишина вокруг пугала, снег скрипел под ногами и серебристо сверкал. Казалось, во всей вселенной остались только два человека: я и мой учитель. Тогда я проводил его до самого дома... В моей жизни было много значимых событий, но этот небольшой эпизод я каждый раз вспоминаю с какой-то щемящей нежностью в сердце. Время

не остановить, тот тихий снежный вечер никогда больше не повторится, и все, что у меня осталось, — лишь светлая грусть воспоминаний.

Есть и другая небольшая история, связанная с первой. У профессоров Гёттингенского университета была занятая традиция. Субботними вечерами они прогуливались небольшой компанией в горной рощице и обсуждали между собой всевозможные научные темы. Эти импровизированные диспуты порой перерастали в настоящие споры — ученые мужи, стремясь доказать истинность своих суждений, так и сыпали всевозможными фактами и теориями, порой прямо-таки доводя себя до иступления. В такие моменты чудесный пейзаж вокруг переставал для них существовать, и оставалось лишь одно всепоглощающее желание — уложить оппонента на метафорические лопатки и доказать свою правоту. Но так было не всегда, порой эти прогулки оканчивались спокойным ужином в близлежащем кафе, после чего все дружно возвращались в город.

И вот в один из таких вечеров я гулял у подножия горы, где и повстречал господина Зига, который с несколькими своими друзьями-учеными собирался подняться наверх. Профессор представил меня коллегам и неожиданно заявил: «Поздравьте его, он только что успешно защитил докторскую диссертацию!» Лицо у старика при этом было чрезвычайно довольное, я же ощутил настоящий стыд, поскольку никакими особыми успехами в учебе похвастаться не мог. Похвала профессора взволновала меня и заставила переживать. Танский поэт Ян Цзинчжи⁴ писал: «Всю жизнь не желал добродетель таить и всюду я ей возношу похвалу». Когда такая похвала неожиданно звучит в чужой стране, далеко-далеко от родных мест, что можно еще сделать, кроме как поблагодарить?

Однажды я дал себе обещание, что буду заботиться о пожилом профессоре и помогать ему, а наиболее существенной помощью, конечно, была еда. Чтобы осуществить это намерение, мне пришлось выделять долю из собственных скудных запасов. И вот на протяжении

---

⁴ Ян Цзинчжи — поэт, литератор, чиновник династии Тан. В 807 г. получил степень *цзиньши*. Занимал должность *ланчжуна* в Ведомстве по учету населения и сбору налогов (Ху бу), затем ревизора (*цзиши*) округа Ляньчжоу. — *Примеч. пер.*

нескольких месяцев я жил настоящим аскетом, пока наконец у меня не появились сливки (сам-то я их не пил уже несколько месяцев, но эти решил сохранить для исполнения задуманного), где-то нашел немного муки, раздобыл полкило сахара и яйца, стойвшие столько, будто они были из настоящего золота. Все это богатство я отнес в лучшую кондитерскую города, где мне испекли торт. Этот, вне всякого сомнения, ценный подарок я и преподнес профессору как настоящую сокровище. Конечно, мое появление с тортом было несколько неожиданным, профессор растерялся, у него буквально дрожали руки. Он позвал жену, чтобы та помогла ему, сам же не мог даже выговорить «спасибо». Сцена была очень трогательная. Конечно, это подбросило дров в пламя моего голода, но на душе у меня было светло. Это одно из самых теплых моих воспоминаний о том времени.

Помню, что после того, как в Гёттинген вошли американские войска, канонада прекратилась. Я отправлялся проведать профессора Зига. Оказалось, что один из снарядов разорвался прямо перед его домом. Супруга ученого рассказала мне, что, когда произошел взрыв, Эмиль Зиг сидел за столом, склонившись над каким-то тохарским манускриптом. Взрывной волной выбило оконные стекла, осколки разлетелись повсюду, профессор же чудесным образом не пострадал. Услышав это, я почувствовал запоздалый страх, его волны закипали и поднимались из самых глубин моей души, а вместе с ними меня переполняло чувство благоговения перед настоящим ученым, ценившим науку куда больше собственной жизни. В чем же причина такой беззаветной преданности своему делу не только профессора Зига, но и многих других блистательных немецких ученых? Как много можно понять о них из одного этого маленького эпизода! Я запомнил тот случай на всю жизнь.

Фрагменты прошлого постепенно складываются в мозаичное полотно, на котором можно рассмотреть детали моей жизни в Германии, где я по воле случая начал изучать тохарский язык. Однако для полноты картины следует отметить, что случайность часто пересекается с неизбежностью. Была ли неизбежность в том, что мне предстояло выучить тохарский, чтобы впоследствии привезти эти знания на свою родину, в Китай? Этот мертвый язык не стал делом всей моей жизни, к тому же я по разным причинам не занимался им

почти тридцать лет, и только по стечению обстоятельств вновь к нему вернулся. К тому времени тохарский в некотором смысле «прижился» в Китае, его успешно изучают. И потому я испытываю глубочайшую благодарность и с теплотой и трепетом вспоминаю своего учителя, ставшего мне за все годы обучения родным.

Профессора Зига уже давно нет на этом свете. Я и сам постарел, работать мне осталось не так долго. Но я с радостью и воодушевлением думаю о том, что уже удалось сделать: заложить фундамент китайского тохароведения, более того — китайской индологии. У нас немало энергичных санскритологов — совсем юных и уже имеющих некоторый опыт. Это мои ученики, ученики господина Цзинь Кэму⁵ и ученики этих учеников. Конечно, их можно назвать и учениками профессоров Эмиля Зига и Эрнста Вальдшмидта. На них возложена ответственность за процветание этой области научного знания, и у меня нет сомнений — они справятся. Эти мысли заставляют меня, старика, уже утратившего былую ясность ума, почувствовать прилив жизненной силы и энергии.

Размышления о методике изучения иностранных языков в университете

Обычно изучение иностранных языков начинается задолго до поступления в университет, чаще всего первое знакомство с чужой грамматикой происходит в средней или даже начальной школе. Интеллектуальное развитие детей в этом возрасте находится на стадии становления, и методика обучения языкам имеет некоторые особенности, о которых мы говорить сейчас не будем. Я намерен обсудить способы обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях.

Почти все китайские студенты имеют опыт изучения нескольких иностранных языков. Программы университетов предлагают одновременно изучать два или даже три языка и рассчитаны на различные

---

⁵ Цзинь Кэму (1912–2000) — переводчик, писатель, поэт, профессор Пекинского университета. Вместе с Цзи Сяньлинем внес значительный вклад в развитие восточных языков и литературы.

сроки — от года до четырех лет. Казалось бы, по итогам такой учебы знания студентов должны отличаться в зависимости от выбранной программы, но чаще всего по завершении курса выпускникам особо нечем хвастаться.

Я тоже учил в университете два языка. Вероятно, господа из регистрационного отдела учебной части полагали, что я уже овладел ими, поскольку в табелях у меня неизменно красовались очень хорошие отметки. Именно из-за высоких баллов я получил возможность продолжить учебу в германском университете. Однако мне очень совстно. Дело в том, что немецкий язык, за отличное знание которого меня и отправили за границу, я как следует выучил уже будучи там, равно как и подтянул второй иностранный до уровня чтения книг и понимания написанного. Мне известно, что у моих однокурсников складывалась похожая ситуация. Что тут скажешь — здесь, как и в любом другом деле, необходим талант. Студенты штудировали десятки страниц грамматики, запоминали сотни слов, учились пользоваться словарем. Впоследствии при написании статей они уже знали, что английское «as if» переводится на немецкий как «als ob» и им были знакомы все эти буквенные символы — греческие, латинские, немецкие, французские. Конечно, такой объем работы может напугать кого угодно. Удалось ли им осилить чтение серьезной литературы на иностранном языке — одному Небу известно.

Несмотря на то, что в Китае много талантливых студентов, их достижения в изучении иностранных языков невысоки. Или природа не наделила их подходящими данными? Я думаю, каждый, кто учился вместе с иностранцами, признает, что наши студенты весьма способны, уж по крайней мере не хуже прочих. Вероятно, причина кроется в другом.

Так в чем же? Полагаю, у меня есть ответ на этот вопрос, достаточно лишь вспомнить собственный опыт обучения, который практиковали мои собственные преподаватели. Заключался он в следующем: выбирался грамматический справочник для начинающих, далее следовало знакомство с алфавитом и систематическое изучение книги день за днем, урок за уроком. При быстрой скорости обучения таким способом можно освоить справочник за год; при медленной — продолжить штудировать учебник и в начале

второго года. Некоторые особенно нетерпеливые учителя, у которых не хватало сил изучить грамматику от корки до корки, меняли справочник на простую книгу для чтения и использовали ее в качестве пособия. Подготовка студентов к занятиям была минимальна — нужно лишь мельком просмотреть материал прошлого урока и дать ответ, если учитель задаст вопрос. Причем ответ принимался любой, даже самый бестолковый. Экзамены вовсе не были каким-то испытанием, студенты получали прекрасные оценки по основным и дополнительным дисциплинам и тут же горделиво вписывали их в ведомости регистрационного отдела учебной части ко всеобщему удовольствию.

После двух-трех лет подобного обучения большинство студентов, за редким исключением, так и не осваивают чтение на выбранном языке. Поначалу, возможно, в памяти еще держатся несколько фраз, но спустя некоторое время и они исчезают, и отношения студентов с иностранными языками заканчиваются.

Такое положение дел весьма печально. Драгоценное время тратится напрасно, к тому же исчезает возможность овладеть ключевыми инструментами современной науки. Знание нескольких иностранных языков — необходимый навык для любого ученого, особенно это актуально для академически отсталого Китая, зависящего от других государств. Упустив эту возможность в юности, снова ухватить ее крайне тяжело: у выпускников университетов, начинающих собственные независимые исследования или какую-либо иную деятельность, уже нет ни стимула, ни времени на изучение иностранного языка.

Это, говоря откровенно, почти трагедия, и причина ее кроется в недостатках методики преподавания. Начиная с изучения алфавита, студенты во всем зависят от учителя, бездумно повторяют за ним фразы, и так вплоть до перехода к простеньким книгам для чтения, после того как все пособие пересказано слово в слово. От студентов не требуется работать со словарем, им неведомы трудности самостоятельного чтения книг на чужом языке. Они подобны детям, которые с самого рождения едят только пережеванную пищу, а став взрослыми, понимают, что не умеют жевать. Может быть, некоторые впоследствии и захотят научиться, но из-за страха неудачи даже не пробуют.

Поскольку я обнаружил причину, то можно найти и способ ее устранения. На мой взгляд, следует сократить зависимость студентов от преподавателя. Если дать учащимся возможность приступать к чтению текстов как можно раньше, то они смогут применять полученные знания по новой для них грамматике, перестанут чураться словаря, будут пытаться понять смысл прочитанного, что и является первостепенной задачей при изучении языков. В том случае, когда в словаре отсутствует необходимая лексика, не ясна структура предложения или ускользает смысл, студент может обратиться к преподавателю за помощью и благодаря его разъяснениям досконально разберется в материале. Такой подход позволяет не избегать трудностей, а осознавать их и находить достойное решение.

Хочу заметить, что этот способ совершенно не нов, его используют во многих зарубежных университетах, где мне довелось побывать. Приведу пример с изучением русского языка. На первом занятии мы узнали, что этот язык относится к славянской ветви индоевропейской языковой семьи, а затем сразу перешли к алфавиту. На втором занятии мы закончили с алфавитом, а на третьем познакомились с родами имен существительных и элементарными грамматическими правилами, после чего учитель предложил нам самостоятельно, используя словарь, прочитать десять строчек сатирического рассказа Николая Гоголя «Нос». Помню, я потратил на чтение целое утро, но одолел всего шесть строк — в голове все перепуталось, в словаре оказалась только первая половина ряда слов, некоторых и вовсе там не было. Смысл прочитанного ускользал от меня, но в то же время проснулся азарт — я захотел поскорее разгадать эту загадку! С каким же нетерпением я ждал следующего урока... На занятии преподаватель спросил, понял ли хоть кто-то из нас смысл первых строк рассказа. Мы стали наперебой предлагать варианты, и выяснилось, что правильно не перевел никто. Тогда учитель объяснил нам, в чем там было дело и оставшуюся часть урока мы посвятили грамматике. На дом нам были заданы следующие десять строк, и так в течение семестра мы познакомились с основами грамматики и дочитали рассказ.

Я признаю, что такой метод немного деспотичен, но его результаты определенно выше тех, что достигаются в китайских университетах. Конечно, следует учитывать степень нагрузки студентов,

однако при известном усердии и способностях вполне возможно за пару лет научиться читать простые книги. Если же потратить это время на пустое несущественное обучение, два года пропадут зря. Так не лучше ли сразу приложить максимум усилий, чтобы получить как можно больше пользы?

К примеру, известно, что в XIX веке один немецкий лингвист использовал именно такой метод обучения. Не обращая внимания на жалобы своих студентов, он на все их недовольные высказывания отвечал, что обучение иностранным языкам подобно обучению плаванию: следует подвести ученика к краю бассейна, столкнуть в воду, и, если он не утонет, — значит, научится плавать. Как показывает практика, «тонут» студенты только в единичных случаях. Я надеюсь, что у китайских преподавателей найдется мужество столкнуть своих студентов в воду, а у тех, в свою очередь, хватит решимости позволить своим учителям это сделать.

Бэйпин (Пекин), 31 октября 1946 года

Нам нужно больше изучать иностранные языки

Необходимость изучения иностранных языков не подлежит сомнению, особенно это утверждение актуально для нас, китайцев. Боюсь, что мы в некотором смысле завидуем нашим предшественникам, жившим пятьдесят-шестьдесят лет назад. Тогда, чтобы стать высокопоставленными чиновниками, требовалось выучить наизусть классические каноны и примечания к ним, написать несколько сочинений и сдать экзамен на степени *цзюйжэнь* и *цзиньши*⁶. Даже если некоторые особенно одаренные ученые твердо помнили оригиналы канонов и комментарии к ним или постигли некоторые «неканонические науки», их знания все равно ограничивались одной только китайской литературой. Им был доступен только один язык.

---

⁶ *Цзюйжэнь* и *цзиньши* — вторая и третья (высшая) степени, присуждавшиеся в случае успешной сдачи государственного экзамена *кэцзюй*, проводившегося с 605 по 1905 г. Обладатели этих степеней обычно занимали важные чиновнические должности. — *Примеч. пер.*

Однако вместе с путешественниками из чужих стран в Китай проникли европейские и американские научные знания. Разумеется, в некоторых областях их уровень недостижим для нас, это превосходство не могут не признать даже самые упорные поборники китайской культуры. «Использовать западные достижения на китайской основе» — в этом лозунге звучит и беспомощное оправдание, и желание утешиться. Положение сложилось действительно дурацкое, вероятно, и в прошлом многие чувствовали то же самое. Поэтому прогрессивные представители поколения наших дедов с энтузиазмом взялись за «иностранные дела» и, помимо заучивания китайских канонов, пытались наловчиться в чтении «эй-би-си-ди-и» (a-b-c-d-e).

Судить об их успехах непросто. Минуло больше полувека, и китайское общество сильно изменилось за это время — все больше людей одеваются на западный манер и предпочитают западную кухню (как говорили раньше, «заморские блюда»). «Эй-би-си-ди-и» по-прежнему изучаются. Кое-кто освоил иностранную азбуку, но не слишком торопится применить новые знания, а у многих и вовсе руки до книг не доходят. В университетах ситуация лучше, здесь в сфере изучения иностранных языков, в особенности английского, наметился явный прогресс: на факультетах филологии, помимо учебников на китайском языке, используются и пособия на английском, также существует практика привлечения к сотрудничеству профессоров из других стран.

Казалось бы, мы должны радоваться, но все эти положительные изменения происходят крайне медленно. Полвека в наше все ускоряющееся время — очень большой срок. Вспомним, были ли автомобили пятьдесят-шестьдесят лет назад? Самолеты? Сейчас они мчатся по улицам и разрезают небеса, а тогда и вовсе не существовали. Не выглядит ли ничтожным по сравнению с этим наш прогресс в изучении «эй-би-си-ди-и»? К тому же при глубоком исследовании данной темы возникает вопрос — сколько студентов или выпускников вузов, кичащихся учебниками и лекциями на английском, смогли бы написать на нем научную работу? Думается мне, они с удовольствием используют английский, чтобы произвести впечатление на свою девушку, которая все равно ни слова на нем не понимает, но при встрече с носителем языка моментально теряются.

Академические стандарты изучения иностранных языков в других странах значительно превосходят китайские. Зная это, легко поддаться пессимистическим настроениям, однако несмотря ни на что наши студенты изо всех сил стараются добиться максимальных результатов. Во многих европейских государствах не считается чем-то особенным знать на определенном уровне пять или даже шесть языков. Например, немецкая программа среднего образования, помимо восьми лет изучения латыни и шести лет греческого, включает также английский и французский языки, а в качестве дополнительных курсов предлагает русский и итальянский. После такой серьезной подготовки трудностей с чтением книг, пособий и справочников на самых разных языках возникнуть не должно. Конечно, если в качестве главного направления выбрана лингвистика, придется изучить еще несколько языков. Например, студент, изучающий славянское языкознание, должен по меньшей мере владеть русским, сербохорватским, а также польским или чешским языками, а для сравнительной лингвистики требования еще выше. Следует отметить, что далеко не всякий лингвист владеет каждым языком в совершенстве, однако даже то количество, что я озвучил, выглядит пугающе.

Некоторые европейские государства, например, Дания, Голландия, Швеция, Норвегия обладают серьезным научным потенциалом, а порой и превосходят в этом некоторые «великие державы», но из-за своих малых размеров и незначительной роли в мировой политике не могут рассчитывать на широкое распространение своего языка и получение им статуса международного. Однако, чтобы исследования ученых из этих стран стали доступны всему мировому научному сообществу, их публикуют на английском, французском, немецком языках или даже на всех трех сразу. К слову, небольшие европейские государства подарили миру множество крупных ученых в разных областях науки. Таковы, например, великий датский лингвист Отто Есперсен⁷ и его шведский коллега, специалист по китайской

---

⁷ Отто Есперсен (1860–1943) — датский лингвист, профессор английского языка в Копенгагенском университете, автор учебника, в основу которого легла живая разговорная речь.

фонетике Бернхард Карлгрен⁸. Научные труды последнего известны и в Китае.

Сегодня уровень развития китайской науки не сопоставим с достижениями ученых из Англии, Германии или Франции. Нам трудно тягаться в этом даже с такими небольшими государствами, как Швеция или Дания. Положение дел с изучением английского в нашей стране я описывал выше, но стоит отметить, что так было до войны. О студентах, поступивших в университет после демобилизации, говорили, что они не очень-то хорошо знают английский язык. Оставив разговоры о причинах этого, рассмотрим факты. Многие студенты не только не могут читать справочники на английском, но даже не представляют, сколько сил для этого требуется. Они непременно столкнутся с трудностями в исследовательской работе после выпуска. Еще более плачевна ситуация с немецким и французским. Сейчас их эти два языка преподают в качестве второго или третьего иностранного и по регламенту Министерства образования на их изучение отводится не более трех лет. Разумеется, этого времени недостаточно для более-менее приличного знакомства с языком, и поэтому чтение книг без словаря выглядит недостижимой мечтой, не говоря уже о невозможности пользоваться результатами зарубежных исследований. С другой стороны, несмотря на то что уровень развития китайской науки не слишком высок, наши исследователи также делают ценные открытия, которые стоило бы продемонстрировать мировому научному сообществу. К сожалению, доступно это лишь ограниченному кругу ученых, владеющих европейскими языками, статьи прочих остаются на китайском — неперевоенные и непрочитанные. Это большая потеря для мировой науки.

Как я уже говорил выше, английский, немецкий и французский фактически стали теперь международными языками, но не стоит довольствоваться только ими. Напротив, к ним хорошо бы добавить еще несколько. Мне хочется поговорить о русском языке. Некоторые могут упрекнуть меня в предвзятости или в том, что эти рассуждения связаны с победой Советского Союза в войне. Кроме того, СССР стал

---

⁸ Бернхард Карлгрен (1889–1978) — шведский синолог-лингвист, занимался исследованием грамматики и фонетики древнекитайского языка.

одной из сильнейших держав, да и вообще в Китае сейчас модно обсуждать дела этого нашего соседа, и мой интерес можно принять за популизм. На самом же деле я хочу сказать не об этом. Это мнение не только мое, и придерживаться его я начал не сейчас — такие мысли посещали меня и десять лет назад. Никто, независимо от отношения к коммунизму, не станет отрицать важность роли этого огромного государства на мировой политической арене, в особенности это касается Китая. Приводить иные доказательства значимости русского языка излишне, причина, по которой я говорю о нем, — в другом. Я встречался с различными китайскими и иностранными специалистами, все они признавали огромный вклад этой страны в мировую науку. Эта лепта вносилась не только после революции, исследования проводились и в царской России, хотя по значимости они не сравнимы с нынешними. Русские ученые написали множество ценнейших трудов по изучению санскрита и буддологии — «моим» областям научного знания, и эта традиция не нарушается с царских времен и по сей день. Прекрасный тому пример — знаменитые сборники по буддизму. Кроме того, всемирно известные грамматика и словарь монгольского языка написаны на русском языке, не зная которого, почти невозможно изучить монгольский. Приводя здесь эти факты, я всего лишь надеюсь, что китайские молодые исследователи, равно как и старшее поколение ученых, помимо английского, немецкого и французского, будут уделять внимание и русскому языку. Конечно, лучше всего найти в себе смелость изучить язык и стать настоящим специалистом, чтобы прогнать туда, где им следует быть, тех «героев», которые надувают народ.

Думаю, что обязательно найдутся несогласные с моей точкой зрения и будут ссылаться на мои же слова о том, что мы и один иностранный язык не можем толком выучить. Говоря об изучении сразу четырех языков — английского, немецкого, французского и русского — я могу показаться не более чем мечтателем. Однако я стараюсь руководствоваться здравым смыслом, и он подсказывает мне, что иностранные студенты вовсе не превосходят китайских. Результативному изучению иностранных языков в школе препятствуют лишь недостатки методики, низкое качество учебных пособий и слабые, некомпетентные учителя. Все эти проблемы возможно разрешить,

и если мы справимся с ними, то изучение еще одного иностранного языка не будет сверхсложной задачей. И пусть меня называют мечтателем — что ж, я не прочь помечтать о прекрасном.

Бэйпин (Пекин), 6 мая 1947 года

Историческая наука и языкознание

Хотя языкознание и история являются отдельными науками, они во многом служат опорой и дополнением друг другу. История способна помочь лингвистике — это ни для кого не секрет. Первым шагом в изучении языка становится знакомство с прошлым народа, который говорит на нем, и таким образом языкознание становится как бы проводником в исторических исследованиях. Скажу больше, ответы на некоторые исторические вопросы могут быть получены только таким способом. В подтверждение своих слов приведу два примера.

Первым примером станет теория о доисторическом переселении индоевропейских народов. Эта научная гипотеза была выдвинута и доказана преимущественно на основании лингвистики, а ее описание основывается на сравнительном языкознании. Европейские ученые впервые соприкоснулись с санскритом только в конце XVIII — начале XIX века. Вскоре они обнаружили, что санскрит во многом схож с греческим языком и латынью. Дальнейшие исследования выявили принадлежность языка индийцев, которые всегда считались «цветной» расой, к той же языковой семье, что и древние европейские языки: несколько тысяч лет назад эти «братья» оказались разделены, а теперь вдруг вернулись к своим «родственникам». Для «белых арийцев» это стало большим и радостным событием. Известная этимологическая «формула»⁹ — *Dyaus-pitr* (санскрит) = *Zeus-pater* (греческий) = *Jupiter* (латынь) — считается одним из величайших открытий XIX века; узнав, что санскрит, греческий, латынь и современные европейские языки восходят к одному

---

⁹ Здесь и далее, приводя примеры слов из других языков, автор использует латинский алфавит.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru